

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ КОНЦЕПТ В СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Исследуются особенности многослойности романа В.Короткевича “Христос приземлился в Городне. Евангелие от Иуды” (1966). Конструируемое в романе повествование охватывает многовековую историю человеческих заблуждений и поисков истины. Определяется своеобразие сюжетно-композиционной организации рассказа о белорусском лже-Христе.

Ключевые слова: Новый Завет, трансформация, образ, сюжет.

Приём смещения повествовательного центра в сочетании с элементами театрализации и мистификации многопланово реализуется в романе. Многослойность его повествовательной структуры определяет своеобразие сюжетно-композиционной организации рассказа о белорусском лже-Христе, позволяет качественно расширить формально локальный хронотоп (Городня и прилегающие деревни, начало XVI в.) до уровня общечеловеческой панорамы. **Актуальность** статьи определяется углублённым исследованием сюжетно-образного материала в мировом общекультурном контексте.

Добро и зло, любовь и ненависть, безобразное и возвышенное, покаяние и прощение, жизнь и смерть – эти онтологические и ценностно значимые моральные основания человеческого мира не просто сосуществуют на страницах романа, они активно взаимодействуют друг с другом, образуя в совокупности универсальный контекст индивидуального и общечеловеческого мировидения. Фарс, пародия, трагедия, бурлеск, традиции народной смеховой культуры средневековья – эти содержательные начала и приемы организации повествования в той или иной мере присутствуют в структуре романа, образуя динамичную картину реально-исторического очеловеченного пространства, которое принципиально усложняется социально-идеологической и нравственной поляризацией персонажей, подчеркнутым многоголосием образной структуры произведения.

Объект исследования – роман В.Короткевича “Христос приземлился в Городне. Евангелие от Иуды” – необычен своеобразием синтеза различных культурных традиций и национально-исторического континуума, сложностью трактовки их структурно-содержательной ориентации в событийных планах и ассоциативно-символических подтекстах различных ситуаций. **Предмет** исследования – взаимопересекающиеся повествовательные планы романа: свидетельства летописцев, рассказ Иуды и Фомы, прямые вторже-

ния автора в изложение названных источников (комментирование, уточнение хронологических, идеологических и смысловых анахронизмов). Они образуют своеобразный полилог, направленный не столько на сообщение о конкретном факте противостояния народа и власти, но и прежде всего на осмысление универсальных процессов в истории европейской и других цивилизаций.

Цель исследования – определить смысловое наполнение традиционного образа Христа в романе В. Короткевича. Данная форма сюжетно-композиционной контаминации национально-исторического и легендарного планов способствует углубленному проникновению реципиента в истинный смысл изображаемого, усиливает ощущение правдивости рассказа: “...жизнь становится понятной и событийно весомой только изнутри, только там, где я переживаю ее как Я, в форме отношения к самому себе...: понять – значит вжиться в предмет, взглянуть на него его же собственными глазами, отказаться от существенности своей внеаходимости ему; все извне оплотняющие жизнь силы представляются несущественным и случайными, развивается глубокое недоверие ко всякой внеаходимости (связанная с этим в религии имманентизация бога, психологизация и бога и религии, непонимание церкви как учреждения внешнего, вообще переоценка всего изнутри — внутреннего” [1, с. 178]. Именно поэтому в предвещающем роман “Слове двух свидетелей” Иуда и Фома подчеркивают: “Мы знаем. Мы ходили с ним. Да и старые мы уже... Не было чудес. И были чудеса. И не был он богом, а был человеком... И задумали мы поведать правду. Возможно, она дойдет, когда начнут канонизировать не в святые, а в людей. Поэтому пусть будет правда” [2, с.4]. При очевидной установке на объективизацию повествования автор активно использует многочисленные мотивы и элементы славянского фольклора, позволяющие реконструировать мировоззренческие и нравственно-психологические установки обыкновенного человека изображаемой эпохи.

Считаем, что в организации содержательного плана существенную роль играет мотив самозванства, который возник в эпоху частичного разрушения единства средневековой идеологии, получил в Западной Европе и России различные формы социально-политической ориентации и позднее подвергся активной национальной традиционализации у славянских народов (лжемессии, лжепророки, лжецаревичи и

т.п.). Чаще всего данный мотив функционировал в народном сознании в качестве обоснования “законности” бунтов, активизации конкретных форм национально-освободительных движений и др.

Так, в романе падению метеорита и появлению странствующего школяра (эта сцена носит подчеркнуто экспозиционный характер, подготавливая читателя к предлагаемой интерпретации евангельского материала) предшествует описание различных видений и знамений, свидетельств летописцев, позволивших людям формально отождествить приход незнакомца со вторым пришествием Христа (народное сознание давно было подготовлено к подобной идентификации, грозное явление природы лишь спровоцировало ее осуществление: желание увидеть Мессию оказалось сильнее здравого смысла). Однако легендарной версии летописцы противопоставляют свое знание: “Так считали люди. Но мы ничего подобного не заметили, даже если оно и было. Иначе почему Он сначала был таким, как мы, почему ни во что не вмешивался, почему не помог людям?.. А было не так. Было вот как. Слушайте, люди” [2, с.9-10]. На дальнейшее развитие событий существенное влияние оказывает мотив игры, который на протяжении всего повествования является структурообразующей детерминантой, определяя мировоззренческую эволюцию главного персонажа и его друзей.

Рассматривая народную смеховую культуру, М.М. Бахтин подчеркнул, что люди “в образах игры видели как бы сжатую универсалистическую формулу жизни и исторического процесса: счастье-несчастье, возвышение-падение, приобретение-утрата, увенчание-развенчание. В играх как бы разыгрывалась вся жизнь в миниатюре (переведенная на язык условных символов), притом разыгрывалась без рампы. В то же время игра выводила за пределы обычной жизненной колеи, освобождала от законов и правил жизни, на место жизненной условности ставила другую, более сжатую... Игра не стала еще просто бытовым явлением, она сохраняла еще свое мирозерцательное значение, ...сказанное нами поясняет, почему образы игры, пророчества (пародийные), загадки и народно-праздничные образы объединяются в органическое целое, единое по смысловой значимости и по стилю. Их общий знаменатель – веселое время. Все они превращают мрачный эсхатологизм средневековья в “веселое страшилище”. Они очеловечивают исторический процесс, готовят его трезвое и бесстрашное познание” [1, с.260-281]. Стихия раблезианской карнавализации (не случайно автор так часто использует в качестве эпиграфов цитаты из “Гаргантюа и Пантагрюэля”) из формального

приема постепенно трансформируется в содержательную мировоззренческую концепцию, в соответствии с которой осуществляется переосмысление евангельских коллизий. В новозаветном сюжетно-образном материале В. Короткевича интересует в первую очередь его десакрализованная аксиологическая основа, в связи с чем многочисленные информационно значимые “сигналы-катализаторы” из канонических текстов получают объективированное рациональное истолкование (пророчества, чудеса и т.п.).

В подобных ситуациях на первый план выдвигается не сверхъестественное, требующее слепой веры и бездумного признания, а практический разум людей, умеющих находить выход из, казалось бы, безнадежных ситуаций, их способность понимать истинный смысл происходящего и подчинять его своей воле. Например, евангельская история с хлебами объясняется в романе следующим образом: под предлогом того, что в лавке нужно порезать хлеба и рыбыны, Братчик и его друзья отдают голодающим все имеющиеся там продукты.

Показательно, что о подобных чудесах рассказывается, как правило, в “Слове двух свидетелей”, а сам рассказ предваряется формулой “А было так”, акцентирующей достоверность повествования. Что же касается истории воскресения Лазаря, выясняется, что “евангельский” персонаж вовсе не умирал, а находился в бесчувственном состоянии из-за сильнейшего опьянения; “прозрение” слепых в действительности оказывается откровенным обманом, преследующим цель посрамить иезуита и т.п.

Однако версия белорусского писателя не является очередным “приземленным” пересказом Нового Завета, идеи и образы которого формально сближаются с духовными запросами другой социокультурной эпохи. Герои романа как бы “переписывают” общеизвестные судьбы евангельских персонажей, наполняют их канонизированные характеристики понятными и близкими простому народу человеческим смыслом, страданиями, надеждами и разочарованиями.

Наиболее ёмко и многопланово это прослеживается на истории “обожествления” главного персонажа и его товарищей, которая, с одной стороны, имеет очевидный мистифицирующий подтекст; с другой – позволяет автору моделировать и осмысливать сущностные проявления эволюции мировоззренческих и морально-психологических установок и ориентиров отдельных людей и общества начала XVI в. (сравни: А. Королев “Голова Гоголя”, В. Шаров “Репетиции”, А. Слаповский “Первое второе пришествие”).

Так, после ареста актеров противоречивые

слухи и смутные ожидания прихода Мессии оформляются у людей в уверенность, что они наконец-то дождалась своего защитника и освободителя: “Чтобы нас защитить, пришел... Чтобы город свой защитить. От голода, от их чумы, от податей, от монахов. Сам Христос!” [2, с.74]. Уверенность в долгожданном явлении Христа и его неожиданный для многих арест явились толчком к началу волнений в городе, которые были направлены на освобождение новоявленного Христа, его спасение от второго “распятия”.

Во время штурма замка толпой испуганные правители города решаются на мистификацию, смысл которой раскрывается в налоге между кардиналом Лотром и капелланом:

- Они требуют Христа – дайте им Христа.

- Так нет же его в наличии! - заорал Комар. – Нет Христа!..

- А вам непременно чтобы был настоящий?

- Да...

- А эти? – и один из основателей будущего ордена спокойно показал на бродяг.

- Эти-и?! - возмутился Лотр.

- Эти, - спокойно ответил капеллан. – Ничем не хуже других... Зато вполне естественным будет сделать из этих еретиков сообщников и ими сдержать сброд. Конечно, придется простить сброду и простить еретикам. Первым – ибо они творили богоугодное дело. Вторым – потому что эти мошенники, они же – апостолы [2, с. 112-113].

Именно с этого момента в романе начинается своеобразная “материализация” евангельских коллизий, которая подготавливалась многочисленными намеками и обозначениями, пророчествами и т.п. Так, описывая топос Городни, автор упоминает “городненскую Голгофу” [2, с.22], “преславный Синедрион” [2, с.24]; юродивый сообщает толпе: “За мной Христос идет!” [2, с.45], а появление актеров в городе и реакция толпы при этом вызывают очевидные ассоциации с въездом евангельского Мессии в Иерусалим (сравни также: Вифлеемская звезда – звезда в окне, которую видит Юрась во время пытки).

В совокупности все параллели и символические сближения не просто создают дополнительное смысловое напряжение повествования, но, главное, как бы утверждают неизбежность нового “проигрывания” евангельских событий в принципиально иных исторических и национально-бытовых условиях. Уже сам процесс зарождения и распространения слухов о новом явлении Христа подчеркнуто полемичен по отношению к каноническим текстам: если евангелисты сообщают об обезумевшей от ярости толпе, потребовавшей крови Иисуса, то народ Городни изначально готов защищать крестьянского “Христа” и

освобождает его и учеников от мучительной смерти (впрочем, новозаветная коллизия с осуждением и распятием Христа повторяется в романе дважды и в каждом конкретном случае имеет разные поведенческие установки).

Реакция жителей Городни на события, связанные с Юрасем Братчиком, сложна и противоречива: часто в ней доминирует психология толпы, иногда они становятся одухотворенным благородной идеей народом. Первостепенным в данном случае является то обстоятельство, что люди под влиянием различных событий, воспринимаемых в общеизвестном евангельском контексте, постепенно начинают обретать человеческое достоинство, избавляются от страха и покорности перед правящей верхушкой многолюдного мира романа.

Процесс этот не случаен, он является своеобразным содержательным фоном духовной эволюции странствующих актеров. Герои вынуждены согласиться перенести в жизнь роли евангельских персонажей, ибо их будущее зависит от поставленного перед ними выбора: “Или превращайся в бога, или избиение до полусмерти” [2, с.116] и “... или на дыбу, или в апостолы” [2, с.115].

В романе немало ситуативных перекличек с евангельскими коллизиями, однако автор не просто формально сближает значительно отличающиеся друг от друга содержательные континуумы, а за счёт принципиального расширения событийного плана и включения оригинальных реалистических мотивировок и сюжетных ходов придает им жизненную убедительность и достоверность. Герои, осознавая важность навязанной им миссии “апостолов”, постепенно избавляются от репутации воров, мошенников и проходивцев, начинают вести себя в жизни так, как этого ожидал от них народ и, главное, как, возможно, вели бы себя настоящие ученики настоящего евангельского Иисуса.

По мере развития действия навязанная героям роль становится мировоззренческим катализатором, разрушающим их прежние поведенческие установки, она определяет их отношение к правящим слоям общества и реакцию на конкретные экзистенциальные ситуации. Под пыткой Юрась Братчик утверждает: “Человек... Не хочу быть богом” [2, с. 116], однако, стремясь спасти своих товарищей, уступает требованию кардинала Лотра (это качество героя – страдать ради других – неоднократно проверяется в романе, и возникающая при этом семантико-этическая градация отражает непростой процесс духовного сближения поведенческих ориентиров главного героя с этическим кодексом Нагорной проповеди, с народным пониманием личности Христа и его учения).

Дальнейшая цепь приключений и испытаний,

через которые пришлось пройти участникам бывшей странствующей актерской труппы, устраняет иронический подтекст “обожествления” обыкновенных людей, заставляет их активно включиться в драматические процессы своего времени. С определенного момента в представлениях людей понятия “Христос-Братчик” и “правда” становятся тождественными, и своим поведением герои подтверждают справедливость данного ассоциативного ряда. Более того, остро ощущая господство социальной несправедливости в жизни людей, видя лицемерие служителей церкви и, наконец, понимая свою необходимость людям, Юрась Братчик, а затем и остальные участники театральной труппы, “посвященные” кардиналом Лотром в апостолы, начинают активно противодействовать любым покушениям на человеческое достоинство. Постепенно происходит расширение социально-мировоззренческого кругозора героев, теперь для них близко и понятно то, что ранее оставляло их равнодушными. После разговора с Юрасем кардинал понял: “...все было ошибкой (т.е. “сотворение” Христа. – А.Н.), этот человек почувствовал силу. Он способен сейчас даже на злые поступки, ибо что-то сломалось в его душе. И он, даже если и будет трудиться, то для собственного успеха, а не для них” [2, с. 142-143].

С этого момента писатель различными способами постоянно акцентирует сближение человека с характеристиками евангельского Мессии, которое началось с изучения Братчиком Нового Завета: “И той же ночью сел он изучать священные книги... Теперь ему нужно знать все. Он – Христос. И отсюда он должен черпать нормы своего поведения. И здесь он должен найти истину, потому что неизвестность мучила его. Истину, общую для всех людей и народов этой тверди. Он приблизительно знал основное, главный завет, который дал им – так они верили – бог. Его интересовало, что они сами дополнили за века к этому завету, что теперь должен знать он” [2, с. 144]. Так родился крестьянский Христос, явления которого с нетерпением ожидало не одно поколение людей.

Многочисленные ситуативные переключки событийного плана романа и Нового Завета закрепляются искренним признанием Юрася-Христа людьми: “Должен был ты прийти, - говорит один из крестьян. – Бог... Черт... Человек... Все равно, не поверим мы, что ты не бог. Не потому, что чудеса твои видели. Потому, что безверие нам сейчас смерть” [2, с.303]. Дальнейшее развитие событий, показавшее, что новоявленный Христос вышел из повиновения церкви, по своему глубинному смыслу во многом созвучно еван-

гельским коллизиям и характеризуется усилением драматического напряжения, подготавливающим психологический контекст для моделирования ситуации предательства.

Духовная эволюция Юрася Братчика существенно опередила мировоззренческую трансформацию “апостолов”, которые внешне приняли роль учеников, но, как неоднократно подчеркивает автор, не смогли возвыситься над житейскими удобствами внешней жизни белорусского Христа (постепенное нарастание недовольства среди “апостолов” обусловлено вынужденным отказом от житейских радостей, постоянно возникающими опасностями, необходимостью скрываться от преследований властей и др.). Поэтому, когда иезуит предложил им предать крестьянского Христа, десять “апостолов” берут свои тридцать серебряников. Пришедший в это время Юрась сразу же почувствовал отчужденность актеров и, заявив: “...один из вас сегодня не предаст меня” [2, с.351], мучительно размышляет о причинах предательства, о котором он догадался по поведению “апостолов”: “Я понял – подумал он... Серебро. Деньги. Они загадят и извратят самую ясную мысль. От них – подлые поступки. И неравенство. И зависть. И предательство. И гибель. И если я погибну, то это из-за них. И еще от любви к людям и к тебе, земля моя. Это они сотворили подлость власти. Они создали церкви. Сколько еще пройдет времени, пока любовно сплетутся над стенами гнета живые деревья жизни? Я не доживу” [2, с. 354]. В данной сцене евангельская ситуация формально как бы “выворачивается”, одновременно сохраняя каноническую детерминанту предательства – деньги.

Исключительно важную роль в создании ассоциативно-символического подтекста и понимании действительного смысла событийного плана романа играет сложная система эпиграфов, которые предваряют каждый раздел, формируют у реципиента нужное автору восприятие реконструируемой действительности. Уже формальная классификация эпиграфов показывает содержательную глубину и многоаспектность осмысления общекультурных традиций в романе: В.Короткевич использует фрагменты древнеиндийского и скандинавского эпосов, восточного и славянского фольклора, древнеегипетские легенды, многочисленные цитаты из Библии, средневековые тексты (баллады, летописи, апокрифы), цитаты из произведений авторов разных культурно-исторических эпох (Гесиод, Катулл, Данте, Ф.Рабле, Ф.Скорина, Дж.Бруно, Чосер, И.В.Гете, Г.Лонгфелло, Р.Киплинга др.). Широта используемого автором легендарно-мифологического и литературного материала в сочетании с обшир-

ными постраничными авторскими примечаниями принципиально расширяет локальный хронотип повествования, устанавливает его многообразные связи с духовной историей всего человечества в её наиболее драматических проявлениях.

Кроме того, вполне очевидны связи версии В.Короткевича с традициями авантюрного и плутовского романов, доминирование бурлескной стилистики, благодаря которой преодолевается надмерность повествовательной структуры евангелий, а элементы сверхъестественного в священных текстах получают подчеркнuto реалистическое истолкование (изгнание мышей из города, история накормления толпы хлебами и т.п.).

В связи с этим в повествовательной структуре романа важную содержательно ориентирующую функцию выполняют мемуаристы, которые в своих размышлениях не просто дополняют и комментируют излагаемое, но и постоянно акцентируют достоверность своего рассказа (они являются непосредственными участниками событий), корректируют сведения других авторов. Благодаря этому рассказ имеет подчеркнuto доверительное звучание и воспринимается как предельно объективированное повествование о действительно происходившем (подробнее смотри: [3]).

И наконец, последнее. В финале романа автор замечает: “Возможно, когда-нибудь я расскажу вам, что было записано двумя свидетелями, Фомой и Иудой, в их “евангелии”, когда они были на склоне лет. Расскажу как жил крестьянский Христос дальше, что делал., как добыл себе и друзьям понимание мира, вечную славу и вечную молодость” [2, с.421]. Эта лукавая оговорка справедлива лишь отчасти, так как слишком многое в повествовательной структуре произведения принадлежит Иуде и Фоме, слишком важна их роль в судьбе крестьянского Христа: они сохра-

нили верность Братчику, постоянно вмешивались в драматические события, часто изменяя их ход. Белорусские “апостолы” оказались мудрее и прозорливее их евангельских прототипов: Фома хитростью добивается отмены сожжения Братчика на костре, Иуда уличает в предательстве Матфея (оставляя ему при этом текст своего “евангелия”). Они оказались плохими актерами, зато проявили лучшие качества духовно возвысившихся над временем людей.

Выводы. Христос-сеятель – эта метафора в конце романа утверждает неуничтожимость добра в мире, его грядущее торжество над злом во всех многообразных проявлениях. В романе В. Короткевича еще слишком ощутимо присутствие автора, который постоянно вмешивается в повествование, регулирует взаимодействие различных повествовательных форм в содержательной структуре произведения, поэтому подзаголовок “Евангелие от Иуды” достаточно условен, хотя и играет роль информационного сигнала о специфике рассказа.

Литература

- 1.Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. / М.М.Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
- 2.Короткевич В.С. Христос приземлился в Городні (Євангеліє від Іуди) / В.С. Короткевич. – К.: Молодь, 1988. – 432 с.
- 3.Нямцу А.Е. Идеи и образы Нового Завета в мировой литературе. Часть I / А.Е. Нямцу. – Черновцы: Рута, 1999. – 328 с.
- 4.Нямцу А.Е. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования) / А.Е. Нямцу. – Черновцы: Рута. – 519 с.

The features of multi-layeredness of novel of V. Korotkevich are investigated in the “Christ took ground in Gorodnya. Gospel from Judas” (1966). The narration constructed in a novel embraces centuries-old history of human errors and searches of truth. In the article originality of with composition organization of recital is determined of Belarussian lie-Christ.

Keywords: New Testament, transformation, character, plot.

Досліджуються особливості роману В. Короткевича “Христос приземлився у Городні. Євангеліє від Іуди” (1966). Оповідання, що конструюються у романі, охоплює багатовікову історію людських помилок та пошуків істини. У статті виявляється своєрідність сюжетно-композиційної організації розповіді про білоруського Лже-Христа.

Ключові слова: Новий Завіт, трансформація, образ, сюжет.